

А.С. Будилович

**Новые данные для истории
восточного вопроса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Будилович**
Новые данные для истории восточного вопроса / А.С. Будилович – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 120 с.

ISBN 978-5-458-36569-7

Журнал Министерства народного просвещения.
Шестро десятилетие.
Часть ССХХХVII.

ISBN 978-5-458-36569-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чаниями; а такъ какъ документы эти писаны на языкахъ латинскомъ и итальянскомъ и представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ, то я прибѣгъ при этомъ къ французскому языку. Впослѣдствіи, когда примѣчанія эти незамѣтно и невольно разрослись до цѣлыхъ статей, опытовъ, очерковъ, я принужденъ былъ для послѣдовательности держаться того же языка, вмѣсто русскаго^а. Если выкинуть изъ приведенной выдержки слова: „представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ“, то нельзя не признать извѣстной вѣскости указанныхъ мотивовъ.

Что касается пропагандистскихъ цѣлей автора, аналогичныхъ тѣмъ, какія преслѣдовали Хомяковъ, Тютчевъ, Гильфердингъ и др. въ своихъ французскихъ брошюрахъ, то онѣ особенно ярко пробиваются въ его Предисловіи, затѣмъ въ очеркахъ: О покушеніяхъ на жизнь папъ въ средніе вѣка и въ 16 в. и о борьбѣ латинско-германскаго запада съ греко-славянскимъ востокомъ (особенно на стр. 379—396); О политическихъ низостяхъ въ западно-европейскихъ государствахъ 16 в. (стр. 417—459); О роли ивородцевъ въ старой Венеціи и новой Австро-Венгрии (547—551); О социальномъ положеніи Венеціи въ 16 в. (671—850) и и. др. Да и самый подборъ матеріала изъ венеціанскихъ архивовъ не чуждъ извѣстной тенденціи, именно желанія открыть изнанку западно-европейской жизни въ вѣкъ возрожденія и гуманизма, въ противоположность господствующему панегиризму западныхъ историковъ этой блестящей эпохи.

Нѣтъ сомнѣнія, что во французскомъ изложеніи историческіе взгляды нашего автора скорѣе могутъ дойти до свѣдѣнія, а быть можетъ, и войти въ сознаніе западныхъ писателей и дѣятелей, чѣмъ въ недоступномъ имъ русскомъ текстѣ; но за то читатель русскій оставленъ здѣсь на заднемъ планѣ. Быть можетъ, со временемъ это неудобство будетъ устранено изданіемъ русскаго перевода по крайней мѣрѣ болѣе значительныхъ очерковъ сборника; но пока этого нѣтъ, бесполезно будетъ представить краткій систематическій обзоръ того обильнаго матеріала, который собрать, а отчасти и разработать г. Ламанскій.

I

В. И. Ламанскій озаглавилъ свой сборникъ документовъ и этюдовъ: „Государственныя тайны Венеціи“. Если бы содержаніе сборника точно соответствовало этому заглавію, то онъ имѣлъ бы мало

отношенія къ славяновѣдѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни смотрѣть на народность древнихъ верхне-италійскихъ Венецовъ и на происхожденіе города Венеціи, все же нельзя отрицать, что въ XV—XVI вв. это былъ городъ латинскій, западный, европейскій, а не восточный, славянскій или хотя бы греко-славянскій. Исторія этого города и государства принадлежитъ къ славяновѣдѣнію не больше, чѣмъ средневѣковая и новая исторія Генуи, Неаполя, Рима, Вѣны, Берлина и т. п. Но „государственныя тайны Венеціи“ составляютъ хотя и важный, но далеко не первенствующій вопросъ въ сборникѣ г. Ламанскаго. Ему посвящена лишь первая изъ трехъ серій документовъ, обнимающая 156 страницъ, да незначительная часть второй серіи. При всемъ своемъ интересѣ и обще-психологическомъ, и частно-историческомъ, этотъ отдѣлъ документовъ не представляетъ такой перво-степенной важности, какъ другіе, тѣмъ болѣе, что значительная часть данныхъ о политическихъ убійствахъ въ старой Венеціи издана была еще въ 1882 г. италіанскимъ ученымъ Фулингомъ (Fulin) въ его „Eglogi veschi e documenti nuovi“, какъ это заявляетъ и авторъ сборника на стр. V—VI предисловія. Центръ тяжести его книги лежитъ не въ „государственныхъ тайнахъ Венеціи“, а въ новомъ освѣщеніи многихъ сторонъ такъ-называемаго „восточнаго вопроса“, то-есть, исторіи культурныхъ и политико-экономическихъ отношеній греко-славянскаго востока къ романо-германскому западу въ XV и особенно XVI вв. Въ этомъ же вопросѣ сбѣгаются, какъ въ фокусѣ, и располагаются въ своеобразномъ спектрѣ лучи очень различныхъ историческихъ свѣтилъ: Рима перваго и втораго, а потомъ и третьяго, папства и церкви соборной, имперіи западной и восточной, Европы и Турціи, а затѣмъ Европы и Россіи. Для разъясненія этого „великаго спора“, дѣйствительно, необходимо знать какъ явныя, такъ и тайныя дѣйствія Венеціи, Рима, Испаніи, Франціи, Германіи, Угрии, Турціи, Россіи, положеніе и стремленія греческой, албанской и славянской раиы, подчиненной то султану, то синьоріи и т. п. Вотъ тутъ то и можетъ служить неисчерпаемымъ рудникомъ свѣдѣній и надежнымъ руководителемъ при ихъ обработкѣ сборникъ г. Ламанскаго. Предоставляя нашимъ „всеобще-историкамъ“ разработку тѣхъ его отдѣловъ, которые выходятъ за предѣлы славяновѣдѣнія, я сосредоточу вниманіе читателя на собранныхъ въ этой книгѣ „Новыхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса“, предпо-славъ своему своду нѣсколько замѣчаній объ источникахъ, кото-

рыми пользовался нашъ авторъ при составленіи сборника, а равно о нѣкоторыхъ методологическихъ его особенностяхъ.

II.

Основной матеріалъ сборника г. Ламанскаго заимствованъ, по его собственнымъ словамъ (I), изъ бумагъ венеціанскаго Сената, Совѣта Десяти и нѣкоторыхъ другихъ, рассмотрѣнныхъ имъ въ теченіе 13-ти-мѣсячнаго пребыванія въ Венеціи въ 1868—1869 учебномъ году въ архивѣ dei Ffagi, въ библиотекѣ св. Марка, въ музеѣ Корреръ и фамильномъ архивѣ гр. Дона. Количество рукописныхъ томовъ, изъ коихъ сдѣланы выписки, по приблизительному расчету достигаетъ сотни. Однихъ журналовъ Совѣта X подъ наименованіемъ *Misti* рассмотрѣно до 50-томовъ, а *Secreta* того же Совѣта болѣе 20 томовъ. Въ библиотекѣ св. Марка авторъ экскерпировалъ значительную часть многотомныхъ *Diarii* Марино Санудо. Кое-что заимствовано имъ и изъ рукописей императорской Вѣнской (см. стр. 411) и С.-Петербургской публичной библиотекъ.

Какъ значительно было количество экскеритовъ и копій, вывезенныхъ авторомъ изъ Венеціи, видно изъ того, что онъ въ состояніи былъ наполнить ими почти 1000 страницъ своего сборника, то въ полномъ воспроизведеніи, то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и выдержкахъ.

Нельзя не подивиться этой энергіи нашего слависта, а еще болѣе его умѣнію ориентироваться въ массѣ рукописнаго матеріала, особенно если вспомнить, что по предшествовавшимъ своимъ занятіямъ онъ не былъ столь близокъ къ италіанскому міру, какъ напримѣръ, загребскій ученый Любичъ или нашъ столь преждевременно почившій славновѣдъ В. В. Макушевъ. Что касается нѣкоторой медлительности въ обработкѣ и изданіи привезеннаго г. Ламанскимъ еще въ 1870 г. рукописнаго матеріала, то она объясняется самымъ способомъ этого изданія. Еслибъ авторъ ограничился, какъ Любичъ и Макушевъ, механическимъ воспроизведеніемъ въ печати своихъ экскеритовъ и копій, то дѣло не могло бы затянуться на десятокъ лѣтъ; по разъ углубившись въ комментірованіе издаваемыхъ матеріаловъ, въ ихъ научную разработку, авторъ долженъ былъ посвятить не одинъ мѣсяцъ, даже не одинъ годъ изученію обширной литературы по италіанской и вообще западно-европейской исторіи, о чемъ свидѣтельствуесть множество ученыхъ ссылокъ въ сборникѣ, особенно въ очер-

какъ и разсказіяхъ, сопровождающихъ 2-ю и 3-ю серіи изданныхъ документовъ.

Нельзя, конечно, утверждать, что авторъ успѣлъ въ равной мѣрѣ обработать всѣ части своего обширнаго сборника документальныхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса. Даже въ распредѣленіи матеріала по известнымъ рубрикамъ нерѣдко замѣтны пробѣлы и скачки. Такъ значительная часть документовъ второй серіи (о политическихъ убійствахъ) должна бы вошла въ хронологическую сѣть документовъ первой серіи, трактующихъ нерѣдко о тѣхъ же лицахъ и событіяхъ. Въ третьей же серіи матеріалъ сгруппированъ не въ хронологической уже послѣдовательности, а по содержанію, напри- мѣръ: о разноплеменности венеціанскихъ подданныхъ; о злоупотребленіяхъ въ венеціанскомъ флотѣ; о недостаткахъ въ оборонѣ венеціанскихъ областей и крѣпостей; о доходности греческихъ острововъ; объ экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ послѣднихъ, въ связи съ злоупотребленіями въ ихъ администраціи; объ отношеніяхъ сень- ории къ греческой церкви и духовенству. Нельзя не признать, что систематическое распредѣленіе матеріала въ третьей серіи имѣетъ преимущество предъ болѣе механическимъ его размѣщеніемъ въ пер- выхъ двухъ серіяхъ.

Нѣтъ равномѣрности и въ обработкѣ собраннаго авторомъ мате- ріала. Такъ, напри- мѣръ, онъ посвящаетъ особые очерки вопросамъ: объ отношеніи западно-европейцевъ къ папамъ, о недостаткахъ венеціан- ской администраціи и т. п., тогда какъ многіе другіе, не менѣе важ- ные вопросы, напри- мѣръ, объ экономическомъ, общественномъ и ре- лигиозномъ состояніи греческихъ подданныхъ Венеціи, остались безъ разработки. Въ другихъ случаяхъ она не доведена до конца, напри- мѣръ, о судьбѣ султана Джена.

Но зачѣмъ требовать полноты и всесторонности тамъ, гдѣ она не- достижима? При такой обширности матеріала комментарий къ нему по необходимости будетъ не полонъ. Лучше поблагодарить автора за освѣщеніе и обработку хоть части этого матеріала, особенно за бо- гатые мысли и фактами трактаты его о папствѣ (357—396), о центральной администраціи и социальномъ бытѣ Венеціи въ XVI вѣкѣ (671—850) и ажъ прекрасное предисловіе, гдѣ указана связь про- шлаго съ настоящимъ въ восточномъ вопросѣ. Неудобства же, возни- кающія отъ сложной системы распредѣленія матеріала въ трехъ се- ріяхъ, съ хронологическимъ порядкомъ въ двухъ первыхъ и съ пред- метнымъ въ третьей, если и не вполне устраняются, то значительно

ослабляются подробнымъ оглавленіемъ въ началѣ книги и указателемъ именъ личныхъ и мѣстныхъ въ концѣ ея.

III.

Для оцѣнки научнаго значенія документовъ сборника г. Ламанскаго необходимо имѣть въ виду, что большая часть ихъ имѣютъ характеръ официальныхъ актовъ, напримѣръ, выписки изъ протоколовъ засѣданій Сената и Совѣта X, распоряженія того и другаго, донесенія имъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ. Лишь меньшая сравнительно часть матеріала заимствована изъ частныхъ сообщеній, писемъ, статей, книгъ и т. п.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что протоколы венеціанскихъ присутствій или донесенія центральному правительству подвѣдомственныхъ органовъ совершенно свободны отъ неумышленного, или умышленнаго искаженія фактовъ. При всей своей хваленной „земной мудрости“, адриатическая республика не разъ попадала въ просакъ, между прочимъ и благодаря невѣрнымъ сообщеніямъ чиновниковъ, на которыя горько жаловался правдолюбивый Марино Сандудо, говоря даже, что „венеціанскіе чиновники никогда не сообщаютъ своему правительству правды, если она имъ не на руку“ (597). Тѣмъ не менѣе уже самый фактъ тысячелѣтняго существованія этой республики и ея громадныхъ политическихъ успѣховъ въ XIII—XV вѣкахъ, при слабости матеріальныхъ силъ, свидѣлствуетъ о политической мудрости ея высшихъ и низшихъ государственныхъ органовъ, правильной оцѣнкѣ ими политическихъ условий, вѣрности получаемыхъ свѣдѣній и цѣлесообразности распоряженій.

Въ сборникѣ г. Ламанскаго имѣются указанія и на намѣренную фальсификацію нѣкоторыхъ официальныхъ документовъ, даже донесеній Сенату, проходившихъ черезъ цензуру Совѣта X, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же фактъ иной разъ обрисовывается совершенно иначе въ бумагахъ Сената, чѣмъ въ дѣлахъ Совѣта X, напримѣръ, смерть хорватскаго бана Тарпавала въ 1473 г. (стр. 169); но въ подобныхъ случаяхъ мы всегда знаемъ, какое показаніе слѣдуетъ считать подлиннымъ и какое искаженнымъ. Сборникъ г. Ламанскаго тѣмъ главнѣйше и отличается отъ аналогичныхъ изданій Шафарика, Любича и др., что основной его матеріалъ заимствованъ изъ дѣлъ Совѣта X, а не Сената. Положимъ, и въ этихъ дѣлахъ есть значительные пробѣлы, даже намѣренныя, происходящія отъ уничтоженія Десятью письменныхъ слѣдствъ содѣянныхъ ими злодѣяній, на что ува-

зываетъ и нашъ авторъ (стр. 302, 815), но это допускалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ; въ большинствѣ эти слѣды сохранились подъ покровомъ непроницаемой тайны архивовъ этого страшнаго Совѣта. Поэтому г. Ламанскій былъ совершенно правъ, признавая особенную важность за бумагами этого Совѣта (стр. 763) и принимая ихъ исходной точкой при оцѣнѣ многихъ важныхъ событій европейской жизни XV—XVI вв.

Историческое значеніе официальныхъ донесеній венеціанскихъ сановниковъ еще увеличивается отъ особенной ихъ подробности, мѣткости наблюдений и тонкости характеристикъ. Стоитъ, напримѣръ, прочесть донесеніе изъ Рима посла Антонія Джустиніана о смерти папы Александра VI (стр. 341—354: донесенія эти напечатаны уже раньше во Флоренціи), или сохранныя въ Длагіи Марино Санудо донесенія о смерти Лью X въ 1521 г. (стр. 396—406), либо подробнѣйшія ремаціи объ островахъ: Кипрѣ (стр. 622—630), Критѣ (стр. 630—648), Корфу (стр. 650), Тивосѣ и Чериго (стр. 651—670), чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ въ этихъ донесеніяхъ образцы несравненнаго описательнаго и повѣствовательнаго искусства, выдержки изъ коихъ могли бы служить украшеніемъ любой исторической хрестоматіи. Венеціанскіе отчеты, вмѣсто общихъ фразъ и приблизительныхъ расчетовъ, представляютъ самыя точныя описанія и характеристикъ, сопровождаемыя полными статистическими данными, и притомъ не въ сухомъ схематическомъ изложеніи, а въ видѣ живой картины, напоминающей Тиціана и Веронезе по изяществу рисунка, мягкости и блеску колорита.

Въ ремаціяхъ многихъ губернаторовъ, адмираловъ и особенно синдиковъ глубокія раны государственнаго и общественнаго организма Венеціи открыты съ такимъ благороднымъ мужествомъ и вмѣстѣ патриотической грустью, что въ авторахъ этихъ донесеній мы никакъ не можемъ предполагать тѣхъ чиновниковъ формалистовъ, на которыхъ жаловался съ нѣкоторымъ пессимистическимъ преувеличеніемъ Марино Санудо въ своихъ „Дневникахъ“.

Критическіе приемы автора сборника находятся на высотѣ и его великодушнаго матеріала, и той трудной задачи, которую онъ себѣ намѣтилъ. Мы не видимъ въ его этюдахъ ни поспѣшныхъ обобщеній, ни несоразмѣрности выводовъ съ данными; наоборотъ, всюду встрѣчаемъ слѣды строгаго научнаго самообладанія и благородной сдержанности. Рисуя картину съ очень темнымъ и грустнымъ фономъ, авторъ не оставляетъ читателя въ жертву безнадежнаго разо-

чарованія въ челоѣкѣ и челоѣчествѣ; надъ этими „поваленными гробами“ всюду видно сіяніе христіанскаго неба, „дождающаго на праведныхъ и неправедныхъ“, чувствуется теплое дыханіе чисто христіанской морали, примиряющей всѣ противорѣчія жизни и прощающей враговъ. Этотъ идеальный греко-славянскій сводъ, раскинутый любовно надъ грубымъ реализмомъ западнаго міросозерцанія, производитъ самое отрадное впечатлѣніе на русскаго читателя и миритъ его съ ѣлкимъ юморомъ, который пронизываетъ всѣ части нарисованной картины. Своякъ этотъ юморъ просвѣчиваетъ любовь автора къ адриатической грѣшницѣ, все еще прекрасной и въ глубинѣ ея нравственнаго паденія. И эта любовь, какъ живая искра, невольно переливается въ душу читателя, прощающаго все за полную обаянія и силы архивную исповѣдь ея—увы!—великихъ грѣховъ.

Въ этомъ отношеніи обнаженная грѣшница—хотя и не кающаяся, а закоснѣлая, не Магдалина, а Фрина—картины славянской все же больше вызываетъ сочувствія и прощенія, чѣмъ покрытая черною маскою Венеція Фулина и другихъ италіанскихъ историковъ. Не будь этихъ грѣховъ, не было бы и исповѣди; а безъ послѣдней сколько тавръ прошлаго погибло бы для челоѣчества, для Европы, для Славянства!

Прислушаемся же къ этой исповѣди сначала о ней самой и ея близкихъ, а потомъ и по отношенію къ намъ и нашимъ.

IV.

Точкою отправленія для діагноза государственныхъ и общественныхъ болѣзней старой Венеціи В. И. Ламанскій избралъ явленіе политическаго убійства. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это имѣетъ важное значеніе и какъ симптомъ тяжелой духовной болѣзни соответствующаго политическаго или нравственнаго организма, и какъ одинъ изъ историческихъ факторовъ, влиявшихъ на судьбы государствъ и народовъ.

Преступно и позорно убійство явное, совершенное въ порывѣ страсти или изъ-за куска хлѣба какимъ-нибудь бандитомъ, вышедшимъ изъ подонковъ общества; но во сколько разъ позорище убійство политическое, произведенное по спокойномъ и холодномъ обсужденіи людьми развитыми и обеспеченными, высшими сановниками государства, даже выборными его представителями!

Каждый почти фактъ венеціанскаго политическаго убійства совмѣщалъ въ себѣ обѣ категоріи преступленій: исполнителями его были

обыкновенно бандиты, бродяги, отребье общества и лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ—монахи, священны, епископы, нобили; но идея убійства давалась обыкновенно какому-нибудь высокому сановнику республики и ватѣмъ, по обсужденіи ея въ Совѣтѣ X и на основаніи его рѣшенія, приводилась въ исполненіе тѣмъ или другимъ органомъ и способомъ.

Особенную этическую важность и психологическій интересъ получаютъ эти убійства еще по той причинѣ, что они декретировались и ватѣмъ выполнялись не при какихъ-либо исключительныхъ лишь условіяхъ и случаяхъ, но составляли довольно обыденное явленіе венеціанской государственной жизни, одну изъ постоянныхъ и какъ будто даже неизбежныхъ пружинокъ государственнаго механизма. При этомъ нужно еще то имѣть въ виду, что Совѣтъ X ежегодно обновлялся въ своемъ составѣ; это былъ трибуналъ изъ людей выборныхъ, большею частію изъ самыхъ заслуженныхъ и опытныхъ дѣятелей. Легко понять появленіе на тронѣ злодѣя или маніяка, пожалуй, даже кратковременное существованіе какого-нибудь разбойничьяго *comité du salut public*; но какъ объяснить непрерывное существованіе такого комитета въ теченіе многихъ столѣтій, при самыхъ разнообразныхъ политическихъ условіяхъ и при обязательной ежегодной сибѣ всѣхъ его членовъ?

Очевидно, что средній уровень общественной нравственности въ старой Венеціи не былъ выше средняго уровня морали этого разбойничьяго трибунала,—что число то отъявленныхъ, то тайныхъ бандитовъ въ высшихъ слояхъ венеціанскаго общества было не меньше, чѣмъ въ низшихъ. Констатируя многовѣковое существованіе такого трибунала, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ фактъ тяжелой общественной болѣзни, — болѣзни ума, чувства, воли, особенно же совѣсти. Объясненіе причинъ этой болѣзни составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ въ исторіи западно-европейскихъ обществъ и государствъ.

Но не одними этическими сторонами можетъ насъ интересовать исторія политическихъ убійствъ такого знаменитаго государства, каковыя была Венеція XV—XVI вв. Она имѣетъ и болѣе непосредственное отношеніе къ судьбѣ народовъ того времени своимъ—такъ сказать—механическимъ на ней отраженіемъ. Устраняя съ исторической сцены, посредствомъ ада или кинжала, какого-либо императора, султана, короля, или хоть папу, вліятельнаго кардинала либо министра, Венеція пересѣкала тѣмъ нити многихъ дипломатическихъ затѣй, выводила

на сцену новыхъ дѣятелей, а съ ними перѣдко и новыя идеи, комбинаціи, отношенія. Это случилось, напримѣръ, по убіеніи Матвѣя Корвина, Карла VIII, Александра VI, Льва X и многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историки западно-европейской жизни XV—XVI вв. внимательно изучаютъ относящіяся сюда страницы Сборника и примутъ ихъ въ соображеніе при вложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ и общаго движенія этой жизни въ блестящій вѣкъ „возрожденія и гуманизма“.

V.

Лица, на жизнь которыхъ Совѣтъ X дѣлалъ то удавшіяся, то неудавшіяся покушенія, принадлежали къ очень различнымъ общественнымъ классамъ. Между 80-ю такими лицами, поименованными г. Ланавскимъ на стр. 817—823 за періодъ времени отъ 1416 до 1768 г., по документамъ его сборника, съ дополненіями изъ Фулина „Eggo! veseli e documenti nuovi“, мы находимъ: императоровъ (Сигизмундъ Люксембургскій и Максимилианъ I), султановъ (Магометъ II, Баязеть II, Селимъ II и два его сына), королей (Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, Людовикъ XII), папъ (Александръ VI, Люцій II), герцоговъ, князей, маркизовъ, графовъ, министровъ, дипломатовъ, бановъ, генераловъ, адмираловъ, визирей, пашей, кардиналовъ, епископовъ, nobilей, докторовъ, драгомановъ, монаховъ, ксендзовъ, агентовъ, шпионовъ, кондотьеровъ, пиратовъ, ускоковъ, бандитовъ, плѣнниковъ, простыхъ турокъ, албанцевъ и тому подобное. Нѣкоторые изъ жертвъ были замѣчаемы Совѣтомъ X не однажды, а по нѣскольку разъ. Такъ убіеніе императора Сигизмунда Люксембургскаго было декретировано три раза, Магомета II—14 разъ, Миланскаго герцога Франциска Сфорци—18 разъ. Если же при всемъ томъ эти и многіи другіи изъ замѣченныхъ Совѣтомъ жертвъ остались цѣлы и невредимы, то конечно не по недостатку доброй воли Десяти, а благодаря вѣрности своихъ приближенныхъ. Менѣе счастливы были въ этомъ отношеніи Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, папа Александръ VI, хорватскій банъ Тарнаваль, Драчскій епископъ Мартинъ и многіе другіе, которыхъ смерть по почину Совѣта X удостовѣрена съ большею или меньшею несомнѣнностью документами сборника и объясненіями къ нимъ г. Ланавскаго.

Наименѣе разъяснено въ Сборникѣ участія Синьоринъ въ отравленіи Матвѣя Корвина (201, ср. 198,542) и Карла VIII (300—315),

хотя приведенныя авторомъ прямыя и косвенныя улики довольно тяжелы, особенно въ отношеніи къ послѣднему. Разслѣдованіе этихъ, какъ и многихъ другихъ, удавшихся убійствъ, особенно лицъ коронованныхъ, затруднено и тѣмъ обстоятельствомъ, что Совѣтъ X въ подобныхъ случаяхъ уничтожалъ компрометирующіе его документы, чтобы замести за собою слѣды злодѣянія. Впрочемъ, такіе документы могли и не существовать, при господствовавшемъ тогда обычай наиболѣе опасныя и тайныя распоряженія давать исполнителямъ устно, а не письменно.

Довольно подробно разсмотрѣны г. Ламанскимъ (на стр. 315—320 и на стр. 354—357) обстоятельства смерти папы Александра VI. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что этотъ папа былъ отравленъ своимъ поваромъ, вмѣстѣ съ сыномъ Цезаремъ Борджія, и что поваръ этотъ былъ подкупленъ кардиналомъ Адрианомъ де Корне, который разчитывалъ самъ сдѣлаться папою, при содѣйствіи венеціанцевъ.

Жаль только, что г. Ламанскій на стр. 319 самъ подорвалъ силу своихъ аргументовъ совершенно неожиданнымъ для читателя и невѣроятнымъ предположеніемъ, будто Александръ VI умеръ не отъ яда, а отъ сильнаго потрясенія, произведеннаго въ немъ мыслью объ отравленіи его любимаго сына Цезаря Борджія. Этому предположенію противорѣчатъ: а) характеръ обонхъ Борджіевъ — отца и сына, не страдавшихъ такой слабостью нервовъ, что-бы видъ даже не смерти, а лишь болѣзни втораго могъ сразить перваго; б) описаніе болѣзни Александра VI у Мартино Санудо (338) и ужаснаго вида его трупа (339—340), какой возможенъ лишь при насильственной смерти, именно отъ яда, и наконецъ в) послѣдующая судьба кардинала Адриана и довольно распространенный взглядъ свѣдущихъ современниковъ на него, какъ на виновника смерти Александра VI (855, 403). Въ нерѣшительности г. Ламанскаго принисать эту смерть яду, и притомъ яду венеціанскому, мы видимъ доказательство его крайней осторожности при подобнаго рода тяжелыхъ уголовныхъ обвиненіяхъ, даже въ отношеніи къ давно сошедшимъ со сцены и чуждымъ намъ историческимъ дѣтелямъ.

Изъ того обстоятельства, что г. Ламанскій, а равно и венеціанскій ученый Фулинъ успѣли обнаружить въ бумагахъ Десяти не болѣе сотни случаевъ то задуманныхъ, то и выполненныхъ политическихъ убійствъ въ XV—XVIII вв., нельзя сдѣлать заключенія объ ихъ относительной малочисленности и рѣдкости, такъ какъ оба автора